

История перевода

Перевод в древности и в эпоху античности

Первые контакты между народами, говорящими на разных языках, были устными.

Перевод, очевидно, довольно долго существовал без письменной фиксации.

Задача переводчика в древнем мире - обеспечить контакт между людьми, говорящими на разных языках.

Перевод в Древнем Египте

Древнейшее из известных нам изображений переводчика — на древнеегипетском барельефе— относится к III тыс. до н. э.

Переводчики в Древнем Египте представляли особые профессиональные группы и имели собственную иерархию.

Первые документальные памятники перевода в Египте относятся к XV в. до н. э. Это переводы дипломатической переписки с древнеегипетского языка на аккадский клинописью. Несколько позже, в царствование Рамсеса II (XIII в. до н. э.), начинается эпоха наивысшего расцвета Древнего Египта; к ней относится наибольшее количество памятников перевода: дипломатических и договорных текстов.

Перевод в Древнем Шумере и Вавилоне

К концу III тыс. до н. э. в древнем Шумере использовалось письмо в виде клинописи. В Древнем Шумере существовало два языка - шумерский и аккадский. Об этом свидетельствуют сохранившиеся шумеро-аккадские словари, грамматические пособия, а также параллельные списки выражений на этих двух древних языках.

В Древнем Шумере существовали школы, которые назывались э-дуба (т. е. «дом табличек»). Обучали в них писцов, но, поскольку канцелярских языков было два — шумерский и аккадский, каждый писец обязательно должен был уметь переводить.

Становление аккадской литературы Вавилона целиком базируется на переводческой деятельности. В основе многих известных произведений – переводы шумерских текстов.

Вавилонская литература I тыс. до н. э. – это несколько миллионов клинописных табличек, на которых запечатлены десятки тысяч текстов.

Прямые упоминания о переводчиках относятся уже к нововавилонскому времени – с I тыс. до н. э. Из этих упоминаний становится ясной отчетливая должностная иерархия «сепиру», т. е. переводчиков, в Вавилоне: царские переводчики, переводчики наместников, переводчики управляющих и, наконец, переводчики при войске и храмовые переводчики

Древняя Греция

Древнегреческую цивилизацию историки не случайно относят к «первичным»¹. Это означает, что она мало подпитывалась воздействием извне и ощущала себя как самодостаточная. У греков за несколько веков сформировалась разносторонняя и систематизированная словесная культура, как устная, так и облеченная в письменную форму. Необходимости в переводе произведений с чужих языков не возникало, и на протяжении всего периода греческой античности нам не известно ни одного произведения литературы, которое являлось бы переводом.

Древний Рим

Древние римляне, в отличие от древних греков, переводом пользовались

широко, причем преобладал именно перевод с иностранных, «внешних» языков, сыгравший значительную роль в формировании римской культуры эпохи античности.

Родоначальником перевода письменных памятников и зачинателем римской литературы считается грек из Тарента, Луций Андроник (ок. 275-200 гг. до н. э.). Андроник перевел на латинский язык «Одиссею» Гомера, которая на протяжении следующих 200 лет была обязательным чтением римских школьников.

Перевод в эпоху Средневековья

Христианство принесло с собой Священное писание

Почитание текста Священного писания основывалось на почитании Слова, которое с самого начала воспринималось как наименьшая возможная частица, прямо связывающая человека с Богом. Это средневековое европейское восприятие текста дает ключ к пониманию средневековой теории перевода.

В центре этих представлений — иконическая природа слова.

Это означает, что слово есть образ вещи; причем существует внутренняя нерасторжимая связь между словом и вещью.

Слово может отобразить вещь еще раз – на другом языке. В таком подходе была заложена принципиальная возможность перевода.

Нужной нерасторжимой связи можно достичь, выбрав другой иконический знак для данного слова, вернее – тот же по сути, но выраженный средствами другого языка.

Но в таком случае переводчик обязан четко и последовательно, без изъятий, отображать каждое слово, иначе он исказит саму реальность.

В этом и заключается основа теории перевода Средних веков – теории пословного (буквального) перевода.

Особенности средневекового пословного перевода

Установка на передачу каждого слова в отдельности приводила к тому, что не учитывался контекст, перевод оказывался внеконтекстуальным, точно следовал за цепью отдельных слов, но не учитывал систему языка. Поэтому он и получил наименование буквального, или «рабского», перевода. Переводчик ощущал и хотел ощущать себя рабом перед Божественным текстом.

Практика пословного перевода приводила к прямому заимствованию латинских и греческих грамматических структур (*accusativus cum infinitivo*, *genitivus absolutus* и др.), которые затем зачастую усваивались принимающим языком.

В переводных текстах, таким образом, при пословном принципе отражалась структура языка оригинала, его словообразовательные модели, но на национальной специфике не делалось акцента.

При переводе текста Библии, который делался с древнееврейского через язык-посредник – греческий или латынь— возникала многослойная структура текста перевода на всех уровнях языка.

Стремление к верности христианской доктрине при пословном принципе иногда позволяло переводчикам заменять традиционные детали библейского антуража на местные. Так, в поэтическом переложении Библии на древнесаксонский язык, известном под названием «Хелианд» («Спаситель», IX в.), пустыня, куда направляется Христос, заменена лесом.

Таким образом, во времена Средневекового перевода допускались купюры, выравнивание сюжета и приспособление текста к поэтической форме, привычной для данного народа, — т. е. фактически адаптация, которая являлась известным переводческим приемом еще в дохристианские времена. Одновременно с адаптацией можно было наблюдать и логическое «выравнивание» текста оригинала, целью которого было, по-видимому, облегчение его восприятия — все с той же задачей: донести до паствы Слово Божье.

Первое место по количеству переводных версий безусловно занимает Библия. Самый ранний из прославившихся переводов текста Священного писания относится еще к III в. до н. э.

В Германии первые памятники перевода появляются в VIII в. — они же являются и первыми памятниками письменности на древневерхненемецком языке. Это «Отче наш» и «Символ веры».

Начиная с XII-XIII вв. среди памятников перевода увеличивается доля светских текстов. По всей Европе благодаря переводам распространяется рыцарский роман.

Перевод в Европе XIV-XIX вв. Эпоха Возрождения

Отношение к переводу постепенно меняется в эпоху Возрождения, по мере того как меняется отношение человека к самому себе, Богу и окружающему миру.

В XII в. появляются университеты — очаги светского знания: в Болонье (1119), в Париже (1150), в Оксфорде (1167).

Появляется светское искусство и светская наука, латынь теперь не только язык Священного писания и христианского богослужения, но и язык университетского образования и светской науки, тем самым она приближается по своему статусу к прочим европейским языкам.

Увеличивается популярность светской переводной литературы.

Повышенный интерес переводчики разных стран проявляют к новинкам итальянской литературы, находившейся тогда на переднем фланге литературного развития. Данте, Петрарка, Боккаччо переводятся в XIV-XV вв. на все основные европейские языки.

Новое поколение светских переводчиков XV-XVI вв. единодушно высказывается в пользу перевода, точно передающего подлинник по смыслу и соблюдающего нормы родного языка.

Церковь в эпоху Возрождения ужесточает борьбу за свою чистоту, словно ощущая неизбежность перемен и сопротивляясь им из последних сил. Пострадал переводчик и ученый, гуманист Этьен Доде. За неканоническое истолкование одной реплики Сократа в диалоге Платона он был приговорен церковным судом к смерти и сожжен на костре в 1546 г.

Период Реформации

Связан с именем Мартина Лютера(1483- 1546), немецкого священника, который призвал делать язык перевода таким, чтобы он был понятен и знаком любому человеку, т. е. ориентироваться на нормы общенародного языка.

Формирование светского художественного текста, которое началось в эпоху Возрождения, завершается его четкой фиксацией в жанрах в эпоху классицизма.

Лучшим переводом признавался перевод, максимально приближенный к некоему художественному идеалу. Это достигалось с помощью определенного набора языковых средств, которые отвечали требованиям «хорошего вкуса».

В предисловии к своему переводу «Дон Кихота» Сервантеса на французский язык Флориан достаточно четко формулирует эти требования: «Рабская верность есть порок... В „Дон Кишоте“ встречаются излишки, черты худого вкуса — для чего их не выбросить?.. Когда переводишь роман и тому подобное, то самый приятный перевод есть, конечно, и самый верный».

Что касается переводов нехудожественных текстов, то они на протяжении XVII-XVIII вв. держатся в рамках лютеровских принципов перевода, исключая, наверное, публицистические и философские тексты. При переводе научных произведений распространены компиляции и выборочный перевод.

Общественный статус переводчика в XVIII в. достаточно высок по сравнению с прежними веками, но заметно варьирует от страны к стране.

Ясно одно: письменный переводчик занимает заметное место в светской культуре. Исследователи отмечают, что именно в XVIII в. Перевод обретает признаки профессии и постепенно начинает формироваться настоящее профессиональное сословие переводчиков.

В конце XVIII в. отчетливо проявляются симптомы нового отношения к тексту и его переводу. Человек постепенно начинает ощущать свою национальность.

Романтический перевод.

Знаменательно было то, что устные тексты фольклора теперь фиксировались, превращались в письменные и в таком оформлении могли перейти в литературную культуру другого народа только путем перевода.

Мы можем считать эти переводы-обработки первым опытом перевода, нацеленного на сохранение национального своеобразия.

Изменение отношения к оригиналу позже очень точно сформулировал Пушкин: «От переводчиков стали требовать более верности и менее щекотливости и усердия к публике — пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде».

Акцент на «народной одежде» отныне становится ведущим. При этом достижения предшествующих концепций перевода послужили базой для новой, романтической.

Выводы по европейской переводческой традиции

Лютеровская концепция - открывала переводчику все ресурсы родного языка (а они все больше расширялись благодаря письменному оформлению фольклора).

Классицистический опыт - сохранял специфику литературного жанра и его условностей; ведь к тому времени складывается и оформляется светская художественная литература с ее жанровыми разновидностями как особый тип текста.

Преромантизм и романтизм - единой остается база книжного языка художественной речи, в которую мощно вливается фольклорное языковое богатство.

Перевод в России до XVIII в.

Киевская Русь. Истоки российской истории перевода, запечатленной в письменных памятниках, относятся к поре принятия христианства и появления на Руси письменности. Как и у всех европейских народов, абсолютным приоритетом начиная с X в. пользуется теория *пословного* перевода, основанная на иконическом восприятии словесного знака и особом статусе текста Библии, который и заложил традицию пословного перевода других текстов.

Первые переводы делаются преимущественно со среднегреческого языка. Переводы выполняются зачастую не на Руси, не славянами, а греками, и не на русский язык, а на старославянский (иначе — староболгарский, или церковно-славянский). Староболгарский язык становится и языком православного богослужения, и литературным языком христианских памятников.

Московский период. В XIV-XVII вв., в московский период, постепенно начинает ощущаться сдвиг в восприятии текста как связующего звена между человеком и Творцом. На смену теории пословного перевода приходит грамматическая теория. И если раньше акцент приходился на идеальные связи плана выражения и плана содержания, то теперь он переносится на структурное своеобразие языка оригинала.

Однако в наибольшей мере перемены дают о себе знать в XVI в. Именно в это время происходит утверждение грамматической концепции перевода, и связано оно с деятельностью Максима Грека, ученого монаха, который прибыл в Москву из Греции, с Афона.

Максим Грек мыслил себя просветителем, толкователем и комментатором. Видимо, именно эти его убеждения послужили основой для той школы перевода, которую он основал в Москве и в которой культивировалось тщательное, всестороннее изучение подлинника.

Он считал, что переводчик должен обладать *высокой образованностью*, досконально знать *грамматику* и риторику, уметь *анализировать* подлинник и, следуя пословному принципу, учитывать при выборе слова в некоторых случаях *конкретный контекст* и общий *стиль* произведения.

В XVII в. светская литература по количеству переводимых произведений начинает конкурировать с христианской. Публикуются первые переводы с французского. Тематическая палитра чрезвычайно широка: география, история, экономика, военное дело, арифметика, геометрия, медицина, анатомия, астрология, риторика...

Петровская эпоха. Если для всей Европы XVIII в. был веком классицизма и Просвещения, то для России он в первую очередь начался как эпоха Петра I. Петровская эпоха была переломным временем, когда прерывались многие прежние традиции и вводилось много нового. Россия в XVIII в. сделала огромный рывок в развитии всех областей перевода, решительно отходя от православной традиции и примыкая к западноевропейской.

Полезными и важными объявляются переводы, несущие в Россию новые знания. Диапазон переводов светских нехудожественных текстов из различных областей знаний резко расширяется: военное дело, юриспруденция, инженерное дело, кораблестроение, фортификация, архитектура, математика, астрономия, география.

Сам Петр I формулирует основы этого подхода: «...И не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию, *сенс* смысл выразумев, на своем языке уже так писать, как внятнее может быть...»

Особая забота о переводах специальных текстов отразилась и в указе Петра от января 1724 г., который фактически устанавливал строгие рамки специализации переводов и переводческого труда: «...Никакой переводчик, не имея того художества, о коем переводит, перевести то не сможет».

Под «художеством» в данном случае следует понимать знание предмета — научного или технического. Петр полагал, что стиль переводов должен быть близок к стилю посольского приказа.

Мода на все иностранное, которая сопровождала массированное усвоение новых знаний, приводила к обилию лексических заимствований из живых европейских языков (прежде всего — из французского), в основном путем транскрипции или транслитерации.

В 1735 г. при Академии создается «Российское собрание» — фактически первая профессиональная организация переводчиков в России, которая просуществовала до 1743 г. Были выдвинуты следующие критерии оценки переводов: перевод должен

- 1) полностью совпадать с оригиналом;
- 2) быть изложен четко и без грамматических ошибок;
- 3) не нарушать языковых норм.

Екатерининская эпоха.

Русские просветители ставят перед собой задачу ознакомления общества с иностранными произведениями, стремятся усвоить чужой литературный опыт и обогатить тем самым родную литературу. Однако связь между текстами оригинала и перевода в XVIII в. довольно сложна.

Во-первых, трудно провести границу между переводными и оригинальными произведениями. И каноны классицизма, и представления эпохи Просвещения рассматривают оригинал лишь как подспорье для создания совершенного текста. В первом случае — для достижения эстетического идеала, во втором — для просвещения общества.

Во-вторых, между оригиналом и переводом часто существует язык-посредник, как правило французский. В этом двойном отражении текст перевода неизбежно многое терял.

Перевод был подчинен общественно-культурным задачам. Вот почему каждый переводчик того времени снабжал свой перевод пространным предисловием; не случайно XVIII в. считается веком переводческих предисловий.

Отсутствие ощущения национальных границ текста, национальной специфики давало переводчикам возможность применять приемы адаптации. Так, переводчик Е. И. Костров, переводя в 1781 –1788 гг. «Илиаду» Гомера, вводит такие культурные замены, как «сапоги», «сталь», «пуговицы»; переводчик Глебов русифицирует личные имена у Вольтера: Перро, Колен и Пиретта превращаются в Сидора, Карпа и Агафью.

Специфика переводческих задач отодвигает на задний план проблемы сохранения формы не только в сфере индивидуального стиля и литературного направления, но и в сфере жанра. Стихи переводятся зачастую прозой, проза – иногда стихами.

Особенно важен в то время был вклад, который внесли в развитие перевода крупные деятели русской культуры: Тредиаковский, Ломоносов, Кантемир. Переводы Василия Тредиаковского образовали своего рода рубеж, знаменующий переход к специфике XVIII в. в области перевода. Впервые для перевода художественного произведения применялся русский язык, а не старославянский.

В 1768 г. Екатерина II учредила «Собрание старающихся о переводе иностранных книг на российский язык» и назначила 5 тысяч рублей на ежегодную оплату переводчиков. В репертуар переводов «Собрания» входили книги по точным и естественным наукам, философии, и в меньшей мере — художественная литература. «Кандид» Вольтера и «Путешествие Гулливера в страну лилипутов» Свифта были переведены переводчиками «Собрания» и пользовались большим спросом.

«Собрание» просуществовало до 1783 г., и за это время им было издано 112 переводных сочинений в 173 томах. В целом во второй половине XVIII в. среди переводов художественных произведений на первом месте французская литература (она выходит в абсолютные лидеры еще в 30-е гг.), на втором — английская, затем — немецкая.

Исторические концепции и универсальные модели переводческой эквивалентности

Концепция формального соответствия

Концепция формального соответствия культивировалась в монастырях и как традиционный метод перевода религиозных книг с некоторыми поправками дошла до наших дней.

Концепция нормативно-содержательного соответствия.

Концепция эстетического соответствия

Концепция динамической эквивалентности

История перевода в XX веке

Одновременно во всех европейских языках установилась и официально закрепились к началу XX в. *литературная письменная норма языка*. Она способствовала окончательному формированию тех типов текста, которые основываются на норме, в первую очередь – научных и научно-технических текстов.

Подстрочник. Особую роль в советское время стал играть подстрочник, т. е. *буквальный, близкий к подлиннику рабочий переводной текст*. Советский период истории перевода обнаруживает много парадоксов. Один из них: призывы стремиться к максимальной точности при переводе с одной стороны, и возможность идеологической обработки текста - с другой. Тексты часто переделывались в духе господствующей идеологии.

Подстрочник как подручное средство в филологическом исследовании текста известен был давно, но в советской практике перевода он стал играть совершенно особую роль. Издаваемые книги часто проходили два этапа: подстрочный перевод и обработку.

Перевод эпохи нэпа.

Особым экзотическим эпизодом в советские годы в России явился перевод эпохи нэпа (первая половина 20-х гг.).

В жанрах литературы, переведенной и изданной в годы нэпа, как в зеркале, отразились читательские интересы и запросы людей того времени, выходящие за пределы «вечных» произведений, потребность в которых и без того была удовлетворена. Эти жанры, на которые впоследствии было поставлено несмываемое клеймо «бульварные », очень напоминают наше современное сиюминутное «ЧТИВО».

В диапазон жанров, которые были тогда популярны, входили готический роман (современный роман ужасов), физиологический роман (эротический), женский роман, роман-идиллия из жизни богатых, технократический роман-утопия (научная фантастика), приключенческий роман (очень популярен был «Тарзан» Э. Берроуза, вышедший в 1922 г.).

Ортодоксальный перевод 30-40-х гг.

В 30-е гг. государство полностью взяло в свои руки руководство издательской деятельностью. Плановость изданий, жесткие идеологические критерии отбора произведений характеризуют перевод этой поры. Принципы *эквивалентности* и *эквILINEарности* (эквивалентность — точность в передаче лексического и семантического содержания подлинника и эквILINEарность — полнота передачи характера синтаксических структур) становятся неоспоримыми и ревизии не подлежат.

При этом объективные особенности текста и особенности языков оригинала и перевода во внимание не принимаются. Подчиняясь догматическим принципам, переводы теряли главную особенность, ради которой, собственно, и создается художественный текст, *эстетическую ценность*.

Но особенно пагубными эквивалентность и эквилинеарность оказывались для стихотворного перевода.

Поскольку специфика стихотворной формы требует сохранения размера, чередования рифм, а принцип *эквивалентности предписывает сохранение всех значимых слов подлинника*, то переводчику достается практически невыполнимая задача: втиснуть в строку и в размер то же количество русских слов, что и в английском подлиннике, тогда как средняя длина английского слова вдвое меньше, чем русского.

Метод эквивалентности и эквилинеарности поражает в самой большой степени те реплики, которые и без того эмоциональны и динамичны в подлиннике:

Черт! Вы ограблены! Стыд! Одевайтесь! Разбито сердце, полдуши пропало!

Драматический текст, где построение высказываний зависит от интонации, а эллипсис обусловлен ситуацией, часто превращается в набор фраз-загадок с немотивированным порядком слов и неполнотой структуры, понять которую сценическая ситуация не помогает:

Иначе я скажу, что гневом стали, —

Вы не мужчина больше...

Но умереть должна — других обманет...

В Венецьи не поверят, генерал,

Хоть поклянусь, что видел сам.

Чрезмерно...

Я прошу вас в донесенье

Сказать, кто я, ничто не ослабляя,

Не множа злобно ...

Переводческая ситуация в 40-50-е гг.

Перед войной в СССР публикуются некоторые труды по теории перевода, в основном обобщения конкретного опыта художественного перевода, однако попытки выявить объективную лингвистическую основу процесса и результатов перевода еще не получили своего системного оформления. Вместе с тем в 30-40-е гг. интенсивно развивается теория научно-технического и военного перевода в ее учебно-прикладном аспекте, в основном на материале немецкого и английского языков.

В начале 50-х гг. вопросы перевода начинают активно обсуждаться в критических и научных статьях. Отчетливо намечается разграничение подхода к художественному переводу и всем прочим видам перевода, что приводит сначала к разграничению, а затем и к противопоставлению лингвистического и литературоведческого направлений в переводоведении.

На этот момент существовало два подхода к переводу - литературоведческий и лингвистический.

Литературоведческий подход реализуется в принципах «реалистического перевода», которые сформулировал переводчик Иван Кашкин. Он предлагал концентрировать внимание на передаче образов как таковых.

Кашкин призывал переводчика не опираться на букву подлинника, а заглянуть в затекстовую реальность и, исходя из нее, написать свой текст. Кашкин продемонстрировал применение своего метода на практике, в частности в переводах Хемингуэя. Для Хемингуэя, в произведениях которого за внешней простотой изложения кроется колоссальное психологическое напряжение, перевод исходя из затекстовой реальности, т. е. из ситуации, очень подходит.

К началу 60-х гг. противостояние литературоведов и лингвистов в подходе к переводу ослабевает и постепенно исчезает. В России, как и в других странах, разрабатываются общие и частные проблемы перевода с привлечением понятий теории коммуникации, и — в последние годы — данных лингвистики текста. Донаучный период в переводоведении завершается, и эта наука постепенно обретает объективные основы.